

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.34.2.087-097

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО 1920–1930-х гг. КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА И СОЦИОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС

Максимова Ольга Дмитриевна,

профессор кафедры международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доктор юридических наук, доцент
105318, Россия, г. Москва, ул. Щербаковская, д. 38
odmaksimova@fa.ru

© Максимова О. Д., 2025

***Аннотация.** Рассмотрен механизм социалистических преобразований общества через принятие законодательных актов на примере исторического опыта Советского государства. Эта система отличалась от западных парламентских систем тем, что обладала устойчивостью и могла успешно работать в кризисных условиях, например в условиях гражданской войны или социалистической реконструкции народного хозяйства в период коллективизации. Важной характеристикой системы было то, что она обеспечивала поддержку властных решений государства со стороны народа, интересы которого в высших органах представляли делегаты съездов Советов, члены ЦИК, делегаты партийных съездов. Еще одной характеристикой системы следует считать взаимозаменяемость законодательных органов, то есть все четыре высших органа системы были наделены законодательными полномочиями. В статье проведен анализ разработки и принятия советских законов в 1920–1930-х гг. на примерах законодательства о едином сельскохозяйственном налоге и законодательства о проведении коллективизации, которые показывают, что, вопреки распространенному мнению о том, что регулирование в советской системе осуществлялось на основании партийных решений, важным социополитическим ресурсом и средством преобразования общества выступали советские законы, принятые в установленном порядке и воплощавшие в себе идеи руководителей партии и Советского государства, а также представителей народа в советских и партийных органах, выработанные на основе теорий К. Маркса и В. И. Ленина.*

***Ключевые слова:** советский закон; Совет народных комиссаров; ЦИК СССР; коллективизация; единый сельскохозяйственный налог; законотворчество; социализм; колхоз.*

SOVIET LEGISLATION OF THE 1920s–1930s AS AN INSTRUMENT OF SOCIALIST TRANSFORMATION AND A SOCIO-POLITICAL RESOURCE

Olga D. Maksimova,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of International and Public Law, Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
odmaksimova@fa.ru

Abstract. *The study examines the mechanism of socialist transformation of society through the adoption of legislative acts, using the historical experience of the Soviet state as a case study. This system differed from Western parliamentary systems, since it was more resilient and capable of functioning effectively under crisis conditions, such as the Civil War or the socialist reconstruction of the national economy in the period of collectivization. This system was characterized provision for popular support of governmental decisions, as the interests of the people were represented in the highest state bodies by delegates to the Congresses of Soviets, members of the Central Executive Committee, and delegates to party congresses. Another defining feature was the interchangeability of legislative bodies, whereby all four supreme organs possessed legislative authority. The paper analyzes the drafting and adoption of Soviet laws during the 1920s and 1930s, using the legislation on the Unified Agricultural Tax and the laws concerning collectivization as case studies. Contrary to the common view that regulation in the Soviet system was solely based on party decisions, these examples demonstrate that Soviet laws — enacted in accordance with established procedures — served as important socio-political instruments and means of societal transformation. These laws embodied the ideas of party and state leaders, as well as representatives of the people within the Soviet and party organs, and were developed based on the theoretical frameworks developed by K. Marx and V. I. Lenin.*

Keywords: *Soviet law; Council of People's Commissars; Central Executive Committee of the USSR; collectivization; unified agricultural tax; legislative activity; socialism; collective farm (kolkhoz).*

В советский период в управлении обществом значительно повысилась роль законодательства. Советское государство с момента своего создания активно использовало издание декретов и постановлений для проведения мер социалистического преобразования общества¹. Для достижения результата был необходим действенный механизм принятия законодательных актов, который был представлен системой высших советских органов, сложившейся в первые годы революции и развивавшейся в 1920–1930-х гг. Система состояла из четырех органов: из двух представительных органов — Всесоюзного съезда Советов, созывавшегося один раз в два года, и Центрального Исполнительного Комитета СССР, работавшего по сессиям, а также двух коллегиальных органов — Президиума ЦИК СССР и Совета Народных Комиссаров СССР.

В Советском государстве после революции начала складываться однопартийная система. Но вмешательство РКП(б) в создание советских законов начинает проявляться в 1921 г. Его основной причиной стала необходимость преодоления негативных последствий политики военного коммунизма. Начиная с 1921 г. законодательные органы власти стали действовать строго в соответствии с политикой правящей партии.

¹ Декреты Советской власти. Т. 1 : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Политиздат, 1957. 640 с.

Большевики стремились проводить единую политику и реализовывать ее в форме законодательных актов. Данный тезис можно показать на примере подготовки, разработки и проведения коллективизации в сельском хозяйстве в СССР.

Согласно Примерному уставу сельскохозяйственной артели 1935 г., «коллективный путь, путь социализма, — единственно правильный путь для трудящихся крестьян»². Ключевым положением устава стало введение положения о вечном пользовании землей для колхозов по инициативе товарища Сталина. Это дало колхозам широкие перспективы для того, чтобы почувствовать себя настоящими хозяевами своей земли, а каждому колхознику — уверенность в том, что земля останется у них навечно и они смогут пользоваться плодами своего труда на общем поле³.

Советское государство активно внедряло представления о преимуществах колхозов в сознание крестьян через законодательство. Но советский закон прежде всего имел значение инструмента политики и ярким примером в 1920-е гг. стало законодательство об едином сельскохозяйственном налоге. Новаторство декрета заключалось во введении исчисления ЕСХН в весовых единицах для зерновых культур с возможностью уплаты как натурой, так и деньгами. ЕСХН заменил целый ряд налогов, например единый натуральный налог, трудовой гужевого налог.

В годы нэпа развитие законодательного регулирования сельскохозяйственного налога происходило под руководством СНК СССР, во главе которого стоял А. И. Рыков. В ходе рассмотрения в Совнаркоме проекта Положения о едином сельскохозяйственном налоге на 1926–1927 гг. был обсужден доклад представителей Центрального статистического управления и Наркомата финансов. Суть предложений сводилась к следующему: 1) повысить налоги для наиболее зажиточных крестьян и 2) равномерно распределить налоговую нагрузку между районами страны⁴.

СНК СССР принял проект положения о едином сельскохозяйственном налоге со следующими поправками и дополнениями. Во-первых, была принята поправка Украины о необходимости учета разницы между многосемейными и малосемейными хозяйствами. Украинцы аргументировали это тем, что при одинаковом доходе на едока, многосемейные сталкивались бы с несправедливостью в пользу малосемейных. По этой поправке СНК решил, что опыт Украины будет учитываться при разработке проекта закона об ЕСХН в следующем году. Во-вторых, Совнаркомам союзных республик было предоставлено право разрешать местным исполнительным комитетам (губисполкомам и облисполкомам) устанавливать необлагаемый налогом минимум на уровне ниже общеустановленного. Кроме того, волостные налоговые комиссии наделялись правом освобождать от уплаты ЕСХН хозяйства бедняков на сумму понижения минимума, определенную местными исполнительными комитетами⁵.

В апреле 1926 г. при рассмотрении проекта закона об ЕСХН в Центральном Исполнительном Комитете СССР нарком финансов СССР Н. П. Брюханов предложил перейти от налогообложения доходов от земледелия к налогообложению всех доходов крестьянских хозяйств. Он обосновывал свое предложение необходимостью более справедливого распределения налоговой нагрузки и соответствия налоговых ставок платежеспособности крестьянских дворов.

Брюханов приводил примеры жалоб крестьян, которые платили налоги без учета размеров дохода. Один из крестьян жаловался, что, несмотря на отсутствие побочных доходов, платил налог в том же размере, что и крестьянин, имеющий доход от отхожих промыслов⁶.

Нарком выделил основные недостатки системы налогообложения крестьянства. Главный недостаток заключался в неравномерности обложения как между разными районами, так и между разными хозяйствами внутри одного района. Например, в

² Примерный устав сельскохозяйственной артели // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 82.

³ Доценко М. Сталинский устав колхозной жизни // Советское государство. 1935. № 1–2. С. 62, 63, 64.

⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1а. Д. 16. Л. 334.

⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1а. Д. 16. Л. 288, 289.

⁶ Бюллетень: № 1-34 / ЦИК СССР 3-го созыва. 2-я сессия ЦИК СССР. М., 1926. № 18. С. 4.

районах Крайнего Севера учитываемые при налогообложении источники дохода составляли всего 30 % от общего дохода. В Псковской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской губерниях и в Московском промышленном районе неземледельческие доходы составляли 45–47 %. Чтобы показать неравномерность обложения нарком финансов привел средние неземледельческие доходы бедняцкого хозяйства, имевшего 2 десятины земли, и мощного хозяйства, имевшего посева 16 десятин, соответственно в сумме 117 руб. и 354 руб.⁷

Несмотря на принятие закона об ЕСХН в апреле 1926 г., Совнарком вернулся к его рассмотрению 22 июня 1926 г. Причиной этого стали возражения и волнения со стороны фабрично-заводских рабочих. Рабочие считали, что закон не учитывает интересы рабочего класса и включает в объект налогообложения не только доходы от земледелия, но и неземледельческие заработки людей, связанных с землей.

Председатель СНК СССР А. И. Рыков сообщил членам Совнаркома, что реализация закона о ЕСХН привела к существенному изменению налогообложения различных групп крестьянства, в результате чего квалифицированные рабочие, связанные с землей и получающие 100 руб., оказались отнесены к категории кулаков⁸.

Совнарком РСФСР предлагал отложить введение закона на год. Однако Союзный Совнарком проголосовал против отсрочки. В ходе обсуждения высказывались различные предложения, в том числе об исключении зарплаты по найму из налогооблагаемой базы, повышении норм доходности и переходе к подоходному налогу. В итоге было принято решение использовать проект РСФСР в качестве основы и предоставить союзным республикам право вносить изменения в ставки, нормы и шкалы налогообложения в пределах 20 % от утвержденных в законе.

Закон о ЕСХН был изменен Совнаркомом через два месяца после его принятия. Рыков подчеркивал, что «обиды» со стороны местных исполнительных комитетов из-за внесенных изменений не обоснованы, так как СНК пришлось изменить закон, который был ранее утвержден на сессии ЦИК и поддержан партией⁹.

Можно считать, что 1926 г. стал переломным моментом в изменении подхода Советского государства к налогообложению крестьянства. Важнейшими изменениями были: 1) включение в налогооблагаемый доход не только доходов от сельского хозяйства, но и неземледельческих доходов и 2) направленность налоговой политики на облегчение бремени маломощных хозяйств. В последующие годы законодательство об ЕСХН продолжало изменяться. В Положении о ЕСХН 1927 г. речь шла о налогах коллективных, советских и единоличных хозяйств. Обращает на себя внимание большое количество установленных этим законом льгот по налогу для маломощных, бедных хозяйств.

В Положении ЦИК и СНК СССР о ЕСХН от 20.02.1929 впервые в советском законодательстве появился термин «кулацкое хозяйство», то есть официально выделена социальная группа кулаков.

Итак, в 1920-е гг. законы о ЕСХН были важными инструментами преобразований советского общества. Эти законы принимались с 1923 г. и в каждом последующем году положения этих законов корректировались с учетом социально-экономической и социально-политической обстановки. В налоговом законодательстве было установлено значительное количество льгот по единому сельскохозяйственному налогу для бедных крестьян и ежегодно ужесточался режим налогообложения для зажиточных крестьян — кулаков. В 1929 г. закон о ЕСХН дополнился признаками кулацкого хозяйства, что позволило в 1930 г. приступить к политике сплошной коллективизации.

С помощью налогового законодательства 1920-х гг. в СССР были подготовлены условия для перехода крестьянства к колхозам. Переход к этой политике не был внезапным, а являлся плановым. К весне 1930 г. большая часть хозяйств, классифицированных как кулацкие, прекратила свою деятельность. В конце 1930 г. ЦИК

⁷ Бюллетень: № 1-34 / ЦИК СССР 3-го созыва. 2-я сессия ЦИК СССР. М., 1926. № 18. С. 5, 6.

⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 31. Д. 374. Л. 1.

⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 31. Д. 374. Л. 40.

и СНК СССР предприняли попытку переопределить понятие кулацкого хозяйства в законе о ЕСХН на 1931 г. Однако, как отметил М. И. Калинин, эта попытка была тщетной, поскольку «прежние признаки кулачества практически исчезли, а новых, которые можно было бы официально закрепить, не появилось»¹⁰.

О том, как был подготовлен и обоснован этот переход можно узнать из стенограммы партийного пленума, состоявшегося 10–17 ноября 1929 г.

Прежде чем приступить к анализу идей участников партийной дискуссии отметим, что в данном случае для анализа может быть использована методология, предложенная П. Бурдые в работе «Социальное пространство: поля и практики», в которой автор предлагает категорию «юридического поля». Под юридическим полем понимается «место конкуренции за монополию на право устанавливать право, иначе говоря — нормальное распределение (*nomos*) или порядок (*order*), в котором сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся главным образом в социально признанной способности интерпретировать (более-менее вольным или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное, т.е. правильное видение мира»¹¹. Представляется, что в момент перехода в 1929 г. к политике сплошной коллективизации юридическое поле оказалось суженным и находилось в руках высших партийных органов. Можно говорить о том, что высшие советские законодательные органы оказались «отодвинуты» от активного обсуждения и решения проблем социалистического переустройства деревни. Отметим, что при этом официальная процедура оформления принятых решений в форме законов в высших советских органах сохранялась.

Итак, на заседаниях пленума ВКП(б) в ноябре 1929 г. состоялись весьма бурные и плодотворные дискуссии с точки зрения формирования новых идей для законодательной деятельности в области колхозного строительства. Для того чтобы показать спектр мнений, разногласия и споры при обсуждении на ноябрьском пленуме, можно выделить ряд проблемных вопросов, рассмотренных членами ЦК ВКП(б).

Г. М. Кржижановский — председатель Государственной плановой комиссии при Совете Народных Комиссаров СССР, выступавший с основным докладом о контрольных цифрах народного хозяйства, обратил внимание присутствующих на идеологические основания деятельности партии и Советского государства. Он напомнил, что мир расколот на два враждебных лагеря и период времени, который вошел в историю под названием новой экономической политики, представлял собой лишь временный мир, передышку. Сроки передышки были обозначены ими как краткие, поэтому следовало вести борьбу «с рабами надуманных схем, которые по-интеллигентски желают перехлестнуть действительность, а не идти рядом с ней, разделяя ее муки, муки родов, забывающих, что ничто великое не рождается без мук, без напряжения, без гигантских жертв»¹². Главными проблемами страны Кржижановский назвал небывало острую классовую борьбу за хлеб и отставание развития сельского хозяйства от промышленности.

Председатель Высшего совета народного хозяйства СССР В. В. Куйбышев отмечал огромную тягу крестьянства к колхозам. Критикуя позицию Н. И. Бухарина, озвученную им в апреле 1929 г., Куйбышев говорил, что «правые утверждали, что мы имеем деградацию сельского хозяйства. На самом деле мы имеем бурный рост социалистического сектора»¹³. Также он отмечал, что выражение Бухарина о феодальной эксплуатации крестьянства — это «гноусное обвинение, брошенное в лицо партии, в лицо Центрального Комитета».

¹⁰ Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». Политика. осуществление, результаты. 1930–1939. М., 2006. С. 28.

¹¹ Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб. : Алетейя, 2017. С. 78.

¹² Как ломали нэп. Стенограмма Пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. Т. 5. М. : МФД, 2000. С. 24.

¹³ Как ломали нэп. С. 43.

Успехи в деле коллективизации отмечали также Народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР А. И. Микоян и будущий первый нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев.

А. Микоян, затронув вопрос борьбы с правой оппозицией, заявил, что самый большой провал оппозиция потерпела в области сельского хозяйства. Как известно, группа Бухарина предлагала и далее развивать нэп, сняв ограничения для развития капитализма в деревне, используя механизмы индивидуального обложения кулака сельхозналогом и весеннего повышения хлебных цен. Микоян обвинил бухаринцев в пренебрежительном отношении к совхозам и колхозам, а между тем, по его мнению, «совхозы и колхозы уже в 1930 г. должны дать около половины хлебазаготовок»¹⁴. Говоря о хлебазаготовках, нарком внешней и внутренней торговли назвал их проведение в 1929 г. самым важным и поучительным успехом партии, достигнутым с помощью мобилизации лучших кадров партработников и рабочих бригад. Опыт хлебазаготовок, по мнению Микояна, показал, что буржуазные специалисты-экономисты не до конца понимают специфику советской экономики, недооценивают такие средства, как «партийные мобилизации, социалистическое соревнование, подъем масс, бедняцко-средняцкая активность и эффект нажима на кулака»¹⁵.

В выступлении Я. А. Яковлева программа по развитию крестьянского хозяйства тов. Бухарина была охарактеризована как «программа крестьянской ограниченности»¹⁶. Вслед за Сталиным¹⁷ он назвал осуществление мероприятий в 1929 г. в деревне как год великого перелома, так как «крупное товарное хозяйство кулацкого типа вытесняется крупным товарным хозяйством социалистического типа»¹⁸.

Чтобы показать преимущества проведенных мероприятий он сравнил коллективизацию в СССР с реконструкцией сельского хозяйства в Америке. Отметив, что процессы сходные, Яковлев подчеркивал, что пути решения проблем сельского хозяйства принципиально различаются. В СССР мелкий сельхозпроизводитель не поглощался крупным как в Америке, а объединялся в колхоз вместе другими бедняцкими и середняцкими хозяйствами¹⁹.

Ключевым моментом дискуссии, которая была развернута на Пленуме партии в ноябре 1929 г., явилась борьба с так называемым правым уклоном. Данной проблеме посвятили свои речи Г. И. Петровский, Я. Б. Гармарник, И. М. Варейкис, Г. К. Орджоникидзе, Е. М. Ярославский и И. В. Сталин. Стóбит признать, что идеи, предложенные «группой трех» Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и М. П. Томским в апреле 1929 г., действительно, принципиально отличались от предложенных участниками партийного пленума в ноябре 1929 г. Таким образом, можно констатировать, что между группами в партии произошла идейная борьба, которая существенно повлияла на развитие советского законодательства в конце 1920-х гг. — в начале 1930-х гг.

Получив одобрение собравшихся, критики платформы группы Бухарина стали предлагать и обсуждать наиболее насущные проблемы колхозного движения и социалистического переустройства деревни и пути их решения. Выделим ряд наиболее важных вопросов, которые назывались членами ЦК партии: проблема нехватки тракторов и сельхозмашин, проблема качественной разработки плановых заданий, организационные вопросы при создании колхозов, борьба с кулаками и возможность применения в отношении кулачества чрезвычайных мер.

Стóбит заметить, что государственное обеспечение колхозов тракторами играло весьма существенную роль в вовлечении крестьянства в первые колхозы. Однако

¹⁴ Как ломали нэп. С. 77.

¹⁵ Как ломали нэп. С. 81.

¹⁶ Как ломали нэп. С. 180.

¹⁷ Сталин И. В. Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сочинения. Т. 12. М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 118–135.

¹⁸ Как ломали нэп. С. 181.

¹⁹ В художественной форме драматический процесс преобразования сельского хозяйства в Америке был показан в романе Д. Стейнбека «Гроздь гнева». И этот роман ярко воспроизводит описание, данное в выступлении Я. Яковлева.

в 1929 г. тракторов в стране было еще мало, что и отмечали выступающие. Управляющий Центрального статистического управления СССР при Совнаркомоме СССР В. П. Милютин говорил, что крестьянство переживает огромный перелом, но «тем не менее тракторами колхозы будут снабжены примерно процентов до 25–30»²⁰. Более того, Милютин сетовал, что 70 % колхозов пока будут работать без тракторов. Чтобы как-то решить вопрос, который, по мнению оратора, был не только экономическим, но и политическим, он предлагал, несмотря на скудость бюджета СССР, увеличить импорт тракторов.

Первый секретарь обкома партии Центрально-Черноземной области И. М. Варейкис сообщал, что в ЦЧО имелось 17 тракторных станций, но в следующем году их придется сокращать из-за отсутствия техники²¹. Первый секретарь Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе докладывал, что Сибирь получила только 400 тракторов и с 1926 по 1929 г. количество тракторов на 1 тысячу посевной площади снижалось. Если в 1926 г. было 7 тракторов, то в 1929 г. — 2,5 трактора²². Он также просил ввозить трактора из-за границы.

Первый секретарь Средне-Волжского обкома ВКП(б) М. М. Хатаевич жаловался на отсутствие керосина и запасных частей к тракторам, из-за чего в самый разгар сельскохозяйственных работ простаивало от 25 до 40 % тракторного парка²³.

Приведенные сведения показывают, что региональные партийные руководители были весьма встревожены недостаточным количеством тракторов и требовали скорейшего решения этого вопроса.

Еще одним проблемным вопросом был вопрос разработки плановых заданий. На качество плана внимание членов партии обращали В. Я. Чубарь и М. М. Хатаевич. Так, председатель Совета Народных Комиссаров Украинской ССР В. Я. Чубарь полагал, что оперативные планы должны составляться более точно, а ответственность за качество планов несет Госплан, который «вырабатывая методологию составления контрольных цифр, не нашел тех действительно четких, ясных директив, которые бы настроили всех как следует»²⁴.

М. М. Хатаевич критиковал систему планирования, поскольку для получения больших объемов капитальных вложений нужно было, по его словам, «кричать», но «Украина и Москва нас всегда сумеют перекричать, крепче поднажать на всякие организации»²⁵.

Региональные деятели партии были осведомлены и имели непосредственный контакт с новыми колхозами, поэтому они старались донести до сведения членов партии недостатки при проведении коллективизации. Опыт организации колхозов и своими соображениями делился председатель Совета народных комиссаров РСФСР С. И. Сырцов, ранее занимавший пост первого секретаря Сибирского крайкома.

Во-первых, докладчик отметил, что бедняцко-средняцкая масса деревни склонна колебаться и иногда равняться по кулацкому хозяйству. Поэтому нельзя сказать, что крестьяне проникнуты «верой в колхозное движение», а «мелкобуржуазная природа крестьянина дает еще себя почувствовать». Начало масштабной перестройки в деревне поставило по-новому проблему взаимоотношений рабочего класса с крестьянством и классово-борьбы в деревне.

Во-вторых, Сырцов утверждал, что в деревне продолжают сохраняться две системы экономических отношений: с одной стороны, регулируемая государством система с определенными ценами, а с другой — «параллельная, в которой капиталистические элементы берут реванш, имеют свои цели»²⁶.

²⁰ Как ломали нэп. С. 150.

²¹ Как ломали нэп. С. 137.

²² Как ломали нэп. С. 106.

²³ Как ломали нэп. С. 144, 145.

²⁴ Как ломали нэп. С. 115.

²⁵ Как ломали нэп. С. 148.

²⁶ Как ломали нэп. С. 139.

В-третьих, серьезной проблемой организации колхозов являлась недостаточность неделимых капиталов. Государственные средства для колхозов малы, в то же время были случаи, когда «громадные суммы на борьбу с засухой в значительной части пошли против нас, на них сложился и вырос целый ряд добавочных кулацких хозяйств»²⁷.

В-четвертых, докладчик выделил проблему слабого организующего влияния со стороны партии и государства на новые колхозы. Он полагал, что «надо заставить низовые организации перестать говорить о колхозах вообще, когда они не различают ни форм, ни типов колхозов»²⁸. В то время как различаются такие формы колхозов, как товарищество по общественной обработке земли, коммуна и артель.

В-пятых, Сырцов утверждал, что требуется изучение качественной стороны колхозов. На качество организации влияли, например, недостаточная предварительная подготовка и административный нажим. Сырцов предостерегал, что «один лишь факт вступления в колхозы не переделывает чудодейственно и мгновенно социальную природу крестьянина»²⁹.

Наконец, в-шестых, докладчик обратил внимание на проблему участия в строительстве колхозов представителей кулачества. Причем отмечалось, что «кулаки хотят легализоваться, хотят получить известные права гражданства и хотя бы обманом получить права советского человека»³⁰.

Из выступления Сырцова видно, что в конце 1929 г. имелись серьезные организационные проблемы, которые предстояло решать партии и государству в дальнейшем.

Участники пленума в ходе дискуссии стали предлагать меры по борьбе с кулачеством. Спор шел по вопросу о возможности и применимости чрезвычайных мер. Как уже выше отмечалось, «группа трех» Рыков, Бухарин и Томский предостерегали от активного, систематического использования чрезвычайных мер. Сторонниками решительного наступления на кулака были Хатаевич, Орджоникидзе, Молотов, Киров, Сокольников, Сталин.

Хатаевич утверждал, что в деревне происходит обострение классовой борьбы, а «кулак лихорадочно перестраивается».

Орджоникидзе напоминал, что «ни одного шага вперед, ни одного колхоза, ни одного совхоза, ни одной фабрики, ни одного завода без величайшей борьбы мы не получили, без борьбы ничего не дается»³¹.

Молотов говорил о том, что «наша политика — наступать на кулачество, пока мы его не доконаем, пока мы его не добьем как классовую силу»³².

Киров призывал большевиков идти в решительное наступление на капиталистические элементы по всему фронту борьбы.

Сокольников обратил внимание на беспомощность страны, поскольку мелкое хозяйство «не смогло обеспечить подъема производительных сил или могло его обеспечить, только рождая капиталистические элементы»³³.

Сталин конкретизировал критику правых и назвал четыре позиции, по которым он не соглашался с группой Бухарина по вопросу о чрезвычайных мерах: 1) чрезвычайные меры не направлены против всего крестьянства, как почему-то считали правые; 2) недостаточно применять против кулаков только экономические меры, как предлагали правые, а нужны меры чрезвычайные; 3) чрезвычайные меры прошлых лет и новые меры, могут различаться, «чрезвычайные меры этого года являются мерами, применяемыми миллионными массами бедняцко-средняцкого крестьянства (массовое наступление бедняков и середняков против кулачества)»; 4) отрицание применения чрезвычайных мер можно расценить как «кулацкий

²⁷ Как ломали нэп. С. 139.

²⁸ Как ломали нэп. С. 140.

²⁹ Как ломали нэп. С. 142.

³⁰ Как ломали нэп. С. 142.

³¹ Как ломали нэп. С. 168.

³² Как ломали нэп. С. 225.

³³ Как ломали нэп. С. 257.

уклон»³⁴. Руководитель партии большевиков решительно заявил о необходимости изменения политики в отношении крестьянства³⁵.

По итогам обсуждения вопросов коллективизации пленум ВКП(б) 17 ноября 1929 г. принял резолюцию «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства».

После пленума законодательными органами ЦИК СССР и Президиумом ЦИК СССР на основе вышеназванной резолюции принимались акты, направленные на реализацию решений партийного органа по вопросам коллективизации. Например, 8 декабря 1929 г. 2 сессия ЦИК Союза ССР 5 созыва приняла постановление «По докладу о тракторостроении и сельхозмашиностроении»³⁶, в котором, например, был пункт 4, где закреплялось, что ЦИК СССР считает необходимым уделить особое внимание постройке комбайнов. Для достижения этой цели планировалось построить два завода мощностью по 25 000 машин в год в Ростове-на-Дону и Новосибирске.

23 декабря 1929 г. было принято постановление Совета Народных Комиссаров «О весенней посевной кампании 1930 года», 29 ноября 1929 г. постановление Совета Народных Комиссаров «О льготах для промышленных рабочих, направляемых на работу по колхозному строительству». Можно утверждать, что в дальнейшем практически все важные решения обсужденные и принятые партийными органами нашли свое законодательное закрепление. В этой связи стоит напомнить, что «над всеми правовыми катаклизмами теперь возвышается принцип: каждый раз к правотворчеству призывается тот, кто действительно способен право осуществлять: революция влекла за собой предусмотренную этой «базовой (основной) нормой» смену социальных сил, расположившихся на самой вершине власти»³⁷.

Представляется, что в условиях советской действительности провести, а тем более эффективно исполнить решения партии и законы государства, опираясь только лишь на органы государственного принуждения, было бы практически невозможно. И хотя сопротивление мерам сплошной коллективизации в 1930-е гг. имело место в отечественной истории, стоит обратить внимание на наличие значительного уровня поддержки законодательных мер со стороны населения. То есть можно говорить, что руководители партии и Советского государства тщательно отслеживали общественные настроения и старались осуществлять власть в соответствии с требованиями общества, тем более что советские государственные и партийные деятели были вознесены на вершину власти в ходе Октябрьской революции и вдохновлялись идеями марксизма о социальном равенстве, об уничтожении эксплуатации человека человеком.

Обратим внимание, что и ученые-экономисты, такие как Кондратьев и Преображенский, считали переход сельского хозяйства к кооперативному производству неизбежным и прогрессивным. В колхозах преимущественно состояли представители бедноты. В 1928–1929 гг. крестьяне без средств производства или с незначительными средствами (до 400 руб.) составляли 72–78 % членов колхозов. В среднем на один колхоз приходилось 18 крестьянских хозяйств, а тракторами располагал только каждый пятый колхоз³⁸. Таким образом, большинство бедных крестьян поддержало

³⁴ Как ломали нэп. С. 260.

³⁵ Как известно, о начале проведении политики ликвидации кулачества как класса было провозглашено И. В. Сталиным на Всесоюзном съезде аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. *Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: (Речь на 1-й. Всесоюз. конференции аграрников-марксистов в Ком. акад. 27 дек. 1929 г.) / Ком. академия. М. : [б. и.], 1930.*

³⁶ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40-76. Отдел первый. Ст. 722 / Упр. Делами Совета Народ. Комиссаров Союза ССР и Совета Труда и Обороны. М. : Б. и., б. г.

³⁷ *Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8 (48). С. 22.*

³⁸ *Бузгалин А. В., Колганов А. И. 10 мифов об СССР. М., 2010. С. 117, 118.*

колхозное строительство, что подтверждается тем, что в 1931 г. почти 70 % зерна было сдано хозяйствами социалистического сектора³⁹.

Одной из задач современной историко-правовой науки является изучение и определение уровня поддержки законодательных мер со стороны населения страны и влияние данного фактора на развитие отечественного законодательства. При решении данной задачи можно использовать методы исторической социологии, с помощью которых можно выяснить как именно происходил процесс принятия важных для общества решений и воплощения их в советских законах.

Советское законодательство выступало как социополитический ресурс для проведения масштабных социалистических преобразований в СССР в 1920-е — 1930-е гг., причем его разработка и принятие велись с учетом мнения большинства общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бузгалин А. В., Колганов А. И. 10 мифов об СССР. — М. : Эксмо, 2010. — 445 с.
2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. — СПб. : Алетейя, 2017. — 576 с.
3. Доценко М. Сталинский устав колхозной жизни // Советское государство. — 1935. — № 1-2. — С. 60-67.
4. Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». Политика, осуществление, результаты. 1930-1939. — М. : Наука, 2006. — 313 с.
5. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8 (48). — С. 20-33.
6. Как ломали нэп. Стенограмма Пленумов ЦК ВКП(б) 1928-1929 гг. Т. 5. — М. : МФД, 2000. — 702 с.
7. Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства. — М. : Изд-во Московского университета, 1961. — 231 с.
8. Примерный устав сельскохозяйственной артели. — М. : Сельхозгиз, 1935. — 32 с.
9. Сталин И. В. Год великого перелома. К XII годовщине Октября // Сочинения. — Т. 12. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1949. — С. 118-135.
10. Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: (Речь на 1-й Всесоюз. конференции аграрников-марксистов в Ком. акад. 27 дек. 1929 г.) / Ком. академия. — М. : [б. и.], 1930. — 16 с.

REFERENCES

1. Buzgalin AV, Kolganov AI. Ten Myths about the Soviet Union. Moscow: Eksmo Publ.; 2010. (In Russ.).
2. Bourdieu P. Social Space: Fields and Practices. St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2017. (In Russ.).
3. Dotsenko M. Stalinskiy ustav kolkhoznoy zhizni [The Stalinist Charter of Collective Farm Life]. *Sovetskoye gosudarstvo [The Soviet State]*. 1935;1-2:60-67. (In Russ.).
4. Zelenin EI. Stalinskaya «revolyutsiya sverkh» posle «velikogo pereloma». Politika, osushchestvlenie, rezultaty. 1930-1939. [The Stalinist «Revolution from Above» after the «Great Break:» Policy, Implementation, and Results. 1930-1939]. Moscow: Nauka Publ.; 2006. (In Russ.).
5. Isaev IA, Skorobogatov AV. Law Heritage in the Communicative Dimension. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(12):112-120. (In Russ.).
6. How the NEP was Dismantled: Transcripts of the Plenums of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), 1928-1929. Vol. 5. Moscow: MFD Publ.; 2000. (In Russ.).

³⁹ Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы коллективизации сельского хозяйства. М., 1961. С. 19.

7. Moshkov YuA. Zernovaya problema v gody kollektivizatsii sel'skokhozyaystva [The Grain Problem during the Years of Agricultural Collectivization]. Moscow: Moscow State University Publ.; 1961. (In Russ.).
8. Primernyi ustav sel'skokhoziaistvennoi arteli [Model Charter of an Agricultural Artel]. Moscow: Selkhozgiz; 1935. (In Russ.).
9. Stalin IV. God velikogo pereloma. K dvenadtsatoi godovshchine Oktyabrya [The Year of the Great Break. For the 12th Anniversary of October Revolution]. Vol. 12. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1949. (In Russ.).
10. Stalin IV. K voprosam agrarnoi politiki v SSSR: (Rech' na 1-y Vsesoyuznoy konferentsii agrarnikov-marksistov v Kom. akad. 27 dek. 1929 g.) [On Issues of Agrarian Policy in the USSR: (Speech at the First All-Union Conference of Marxist Agrarians at the Communist Academy, 27 December 1929)]. Kom. Akademia. Moscow; 1930. (In Russ.).